Михаил Ларионович Михайлов

Голубые глазки

Михайлов М.Л. "По своей воле...". Уфа, Башк. кн. изд-во, 1989, с.209-222.

В одном из самых отдалённых кварталов Петербурга, в большом и многолюдном доме, жила мещанка Прасковья Ивановна. В продолжение четырнадцати лет сряду помещалась она в двух комнатках подвального этажа, в самой глубине двора. Такое постоянство вполне оправдывалось удобством квартиры: кроме двух комнаток, занятых самою хозяйкой, была ещё и третья, которую она могла отдавать внаём.

Прасковья Ивановна была женщина не первой молодости -- лет, пожалуй, за сорок; она обладала несокрушимым здоровьем и таким твёрдым характером, что муж её, чахоточный человечек, годами десятью моложе жены, не смел пошевелиться под её увесистым башмаком: если б не кашель, голоса Алексея, верно, никогда и не услыхать бы в доме. Прасковья Ивановна была ремеслом прачка; чахлый её супруг добывал копейку портняжным делом, в котором смыслил очень мало.

Разные жильцы бывали у Прасковьи Ивановны -- и чиновники и мещане, и квартира её никогда не оставалась пустою дольше недели. Только в исходе четырнадцатого года по водворении её в доме случилась такая беспримерная оказия, что комната целые два месяца не приходилась по вкусу никому из смотревших её.

Дело было осенью. Сначала Прасковья Ивановна не унывала и даже отказала двум женщинам, желашим поселиться у неё, потому что хотела иметь не жилицу, а жильца (с бабами возни много); но вот, видит, и осень уже подходит к концу, а постояльца нет как нет. И прачка решилась отдать квартиру с уступкой первому желающему или даже (так уж и быть) первой желающей.

Несмотря на решение это, только скрепя сердце допустила она в домашний круг свой особу женского пола. Новая жилица Прасковьи Ивановны была женщина молодая, лет двадцати, никак не больше, очень красивая блондинка, с большими светлыми глазами.

Она пришлась очень по нраву хозяйке: выходила из дому редко, только тогда, как нужно было отнести шитьё, за которым она сидела с утра до вечера; к ней никто не заглядывал; за квартиру платила она аккуратно.

Месяца через четыре Прасковье Ивановне пришлось немного похлопотать около своей постоялки, но она не оказала при этом большой строптивости.

Постоялка родила дочь.

Происшествие это не произвело никакого изменения в быту прачки: её нисколько не беспокоил крик или плач ребёнка, как не беспокоил громкий и резкий кашель, душивший Алексея.

Впрочем, как только начала Фрося (так назвали девочку) понимать, что попусту плакать и кричать нехорошо, её не было слышно в доме.

Рассказывая об удобствах своей квартиры, прачка могла уже говорить, что она живёт тут двадцатый год, когда жилица её простудилась и сильно захворала. Подождав с неделю и видя, что больной становится хуже и хуже, Прасковья Ивановна явилась к ней и объявила своё желание отвезти её в больницу: люди они бедные, не за лекарствами же посылать. Больная, однако, упросила хозяйку оставить это намерение: ей казалось, что она тотчас же умрёт, как переедет в больницу и расстанется с маленькой дочерью. Фрося не отходила от её постели; она и не вспоминала о своей кукле, о пёстрых лоскутках, которыми любила играть, и голубые глазки её следили за каждым движением матери, пока сон не смежал их и малютка не свёртывалась в клубочек у её ног.

Давно уж сильно кашлял и худел с каждым днём портняга Алексей; но ещё очень бодро сидел он на столе, подвернув под себя ноги калачиком, и усердно штопал чей-то вывороченный кафтан, когда мать Фроси умерла, оставив на руках хозяйки свою семилетнюю сиротку.

Прасковья Ивановна заахала и заохала.

-- Ax ты, господи боже праведный! Кабы знать, в больницу бы хоть отвезти, что ли: похоронили бы даром; а то вот и денег-то не оставила ни копейки -- свои выкладывай. Да ты-то что молчишь? Слова не скажет... Точно и нет его. Мог бы, кажется...

И сердито махнув рукой, прачка бросала самый презрительный взгляд на смиренного сожителя.

- -- Что же мне, примерно, говорить? -- замечал сожитель, поднимая голову от работы. -- Дело, точно, выходит самое несообразное...
 - -- Полно ты! завывать-то, -- обращалась Прасковья Ивановна к девочке, не перестававшей

Ä